

DOI: 10.12731/2218-7405-2014-8-12

УДК 314.74-055.1/.2

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗНОЧТЕНИЯ

Куприна Т.В.

На современном этапе развития социума многими исследователями констатируется возрастающая роль гендера в миграционных международных потоках и связанные с ней проблемы. Однако данная проблематика исследована недостаточно, соответственно очень сложно дать конкретные рекомендации по обеспечению социо-культурной безопасности женской миграции, которая считается зоной повышенного риска. В статье представлен анализ пока немногочисленных данных, полученных в странах Европы и городах России. Эмпирическая база исследования получена с помощью анкетирования и интервьюирования, главным образом, женщин-мигрантов. В ходе анализа выявлена приемлемость миграции для различных национальных групп женщин, мотивация для выезда за рубеж, их стремление к материальной независимости, взаимосвязь профессиональных и семейных обязанностей, круг общения в принимающей стране, планы на будущее. Особое внимание уделяется миграционным потокам из стран Средней Азии. В конце статьи даются рекомендации по возможным направлениям, обеспечивающим социо-культурную безопасность мигрантов и принимающего общества.

Ключевые слова: миграция; гендер; различия; социо-культурная безопасность; стереотипы восприятия; национальные особенности.

INTERNATIONAL MIGRATION FLOWS: GENDER DIVERSITY

Kuprina T.V.

At the present stage of the development of the society many researchers state the increasing role of gender in international migration flows and problems associated with it. However, this perspective is not sufficiently studied, respectively it is very difficult to give specific advice to ensure the socio-cultural security of female migration which is considered a high-risk area. The paper presents an analysis of the still few data obtained in Europe and Russian cities. The

empirical base of the study was obtained through questionnaires and interviews, mainly of migrant women. The analysis revealed the acceptability of migration for women of different ethnic groups, their motivation for going abroad, their desire for financial independence, the relationship of professional and family responsibilities, their social circles in the host country and their plans for the future. Particular attention is paid to migration flows from Middle Asia. At the end of the article there are some recommendations on possible trends providing socio-cultural security of migrants and the host society.

Keywords: *migration; gender; diversity; socio-cultural security; stereotypes of perception; national characteristics.*

Введение: актуальность проблемы

Обширные процессы глобализации и интеграции различных стран и культур не только обеспечивают растущую интернационализацию экономического развития стран мира, увеличивают открытость национальных экономик, но и порождают ряд социо-культурных проблем, связанных с миграцией и взаимодействием субъектов этого сложного и многоаспектного процесса.

Как отмечает С.Н. Мищук, «рейтинг стран по числу мигрантов в значительной мере обусловлен не только экономическими предпосылками, но и особенностями политических, социальных процессов, происходящих в мире. Каждая историческая эпоха имеет своих лидеров (в рейтинге стран миграций – прим. Т.В. Куприной), которые могут менять свои позиции во времени» [7, с. 195].

Согласно отчету Международной организации по миграции, число международных мигрантов в 2010 году составило 214 млн. человек или 3,1 % населения мира. Если рост этого показателя продолжится с прежней скоростью, то к 2050 году он достигнет значения 405 млн. человек. В западных странах и в современной России мигранты создают анклав своей культуры. Таким образом, происходит не только внешнее, но и внутреннее столкновение.

Что касается российского общества, эксперты считают, что до 2025 года убыль русского населения в России будет составлять 85-90% и к этому же году доля русских в России будет 46,5%, т.е. меньше половины от общего количества населения. Страна получает людей, обогащенных опытом других культур. При этом, если доля мигрантов превышает 20%, то появляются замкнутые этнические группы, которые плохо ассимилируются, провоцируя межэтнические конфликты.

Особенно остро эти проблемы ощущаются в периоды современных экономических кризисов, когда мигранты из развивающихся стран готовы выполнять работу за более низкое вознаграждение, но плохо инкорпорируются в культурный ландшафт принимающей страны [11].

Значительное влияние нематериальных факторов в развитии общества отмечают и экономисты. Ф. Фукуяма подтверждает: «Непонимание того, что основы экономического поведения лежат в области сознания и культуры, приводит к распространенному заблуждению, согласно которому материальные причины приписывают явлениям в обществе, принадлежащим по своей природе в основном области духа» [5].

Известный индийский гуманист Дж. Капур также утверждал то, что экономический процесс содержится внутри более широких поисков смысла и целей жизни. Он находится в сознании людей многих культур и поможет им перестроить их экономическую инфраструктуру на безопасной культурной основе [16].

В этой связи возникает вопрос, что есть безопасная культурная основа или культурная безопасность? Речь может идти о защищенности интересов личности, духовных, социокультурных, экономических, этнических и др. В то же время следует учитывать и локально-культурный контекст безопасности. Например, безопасность для европейца, африканца или азиата имеет разное содержание, формы, понимание.

Между тем целый ряд европейских и североамериканских научных работ фиксирует конституирующую роль гендера в миграционном процессе, поскольку он пронизывает множество социальных практик, идентичностей и институтов, связанных с миграцией [9].

«В современном мире миграционные потоки постоянно растут, и специалисты отмечают всё возрастающую их феминизацию. ... При этом точной информации о численности женщин среди мигрантов, к сожалению, нет, но экспертные оценки свидетельствуют, что они составляют почти половину от их общего количества. ... Женская трудовая миграция во всем мире справедливо считается «зоной повышенного риска» и массовых нарушений прав человека, поскольку чаще всего бывает связана не только с маргинальными видами занятости, но и с социокультурными и этнонациональными особенностями воспитания женщин, особенно приезжающих из среднеазиатских республик» [8, с. 82].

Настоящая работа представляет анализ пока немногочисленных данных, полученных в странах Европы и городах России с последующими рекомендациями. Особое внимание уделяется миграционным потокам из стран Средней Азии.

Эмпирическая база исследования получена с помощью анкетирования и интервьюирования целевой аудитории, главным образом, женщин-мигрантов. В ходе анализа выявлена при-

емлемость миграции для различных возрастных групп женщин, их стремление к более независимой материальной и профессиональной жизни, взаимосвязь с семейными обязанностями, планы на будущее.

Исследования особенностей гендерных потоков Европы и Канады

Для качественной оценки миграционных проблем можно использовать опыт исследования других мультикультурных обществ. Причем, проводится оценка не только восприятия мигрантов принимающим обществом, но и восприятия принимающего общества самими мигрантами и их намерений.

Например, канадские исследователи выделили три группы проблем культурного восприятия мигрантов. Первая группа фокусируется на ориентациях в большом обществе. Вторая, на адаптации иммигрантов. Третья, на различных взаимодействиях между мигрантами и принимающим обществом [14].

Исследования первой группы принимают во внимание роль контекстных факторов: демографических и экономических (желаемый уровень населения, уровень безработицы и др.), а также исторических: роль иммиграции в построении государства. Последние тесно связаны с психологическими факторами (стереотипами восприятия и чувством защищенности (угрозы)). Важную роль играют и политические факторы. Так, иммигранты из политически родственных стран предпочтительнее других.

Кроме того, Mullen [14] указывает такие переменные, характеризующие групповые черты иммигрантов, как язык, внешность, религия, гендерные взаимоотношения, отношения между детьми и родителями.

Вторая группа исследований посвящена проблемам адаптации иммигрантов. Причем, Berry [14] отмечает, что большинство исследований связаны с негативным опытом миграции. В настоящее время есть попытки и положительной оценки данного процесса. В исследовании ICSEY изучался вопрос, какие культуры больше всего поддерживаются в молодежной среде, если они живут между своей национальной культурой и национальными (часто многонациональными) культурами их ровесников. Переменные, касающиеся адаптации, менялись в зависимости от политики и практики принимающего общества, а также уникальной истории каждой группы. Бикультурные личности и положительное отношение к интеграции являются основанием для хорошей адаптации.

Таким образом, Berry [14] приходит к выводу, что необходимо направлять усилия на развитие бикультурной личности, положительного отношения к интеграции, и, в целом, мультикультурных институциональных форм в плюральном обществе.

Исследования третьей группы, касающиеся взаимоотношений мигрантов и принимающей страны, приходят к выводу, что мультикультурная политика может быть успешной только в том случае, если этнические предрассудки и дискриминация находятся на низком уровне, а мультикультурная идеология (интеграция против ассимиляции и сегрегации) – на высоком.

Clement, Noels & Deneault [14] сосредоточили свое внимание на коммуникативном аспекте между этнокультурными группами и всем канадским обществом. Было обнаружено, что ситуация в Канаде включает множественные переменные, касающиеся различий между официальным и родным языком, что приводит к их дифференциации.

В целом, исследования канадских экспертов сосредоточены на различных ключевых проблемах миграции, аккультурации и стратегиях, которые используют иммигранты и принимающее общество (особенно в отношении к иммигрантам и культурному разнообразию).

Что касается европейских исследований, интересен опыт Международного института миграционных и гендерных исследований в Брюсселе, где было проведено исследование «Динамика аспектов и характеристик адаптации в Европе русскоговорящих мигрантов, их социальной адаптации, на примере Бельгии и Германии» [6].

Исследование позволило выяснить вопрос об отношении русскоговорящих мигрантов (в основном, women-advanced) к европейским ценностям, как они их воспринимают, готовы ли прививать их своим детям, и как это стремление отличается у разных категорий мигрантов, от чего оно зависит.

Опрос охватил различные группы иммигрантов: от только что приехавших, до живущих в ЕС 5-8 лет и более. Важным является то, что в фокусе мониторинга были гендерные (женские) группы, которые составляют чрезвычайно активное «скрытое большинство» [15] в русскоязычной миграции в Европу, присутствуя в значительном числе во всех секторах миграции: семейная миграция (как создание, так и воссоединение семей), интеллектуальная миграция (как специалисты, так и члены семей специалистов), трудовая миграция (в основном из постсоветского пространства, но не из России).

В ходе исследования были выделены следующие количественные и качественные характеристики [6]:

1. По месту прежнего проживания примерно 22% происходят из крупных городов – Москва, С-Петербург; 35% – регионы России; 55% – Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Латвия, Литва, Молдова, Узбекистан, Украина.

2. В 70 случаях из 100 – это женщины, вышедшие замуж за иностранцев, и, таким образом, оказавшиеся в Европе, либо приехавшие работать или учиться и вышедшие замуж за европейца.

3. Представление женщин о будущем весьма конструктивны, планы конкретны.

4. Женщины, которые имеют детей, активно занимаются их всесторонним образованием, как сохраняя им родной русский язык, так и адаптируя к европейской жизни, осознавая проблемы двуязычия детей.

5. Высокий уровень образования, в 95 случаях из 100 имеют 1-2 высших образования.

6. Профессиональные группы: менеджеры в различных областях, переводчики, работники евроинституций, частные предприниматели, студенты институтов, высших школ и курсов.

7. Семейное положение можно оценить как: 70% к 30% – замужние к незамужним (причем, разведены уже в Европе).

8. Сегодняшняя жизнь в Европе – это жизнь активная: работа или учеба; участие в общественных организациях или посещение мероприятий общественных организаций; посещение русских культурных мероприятий; посещение местных европейских культурных мероприятий; читают русскую и европейскую прессу.

9. Большой процент считает себя адаптировавшимися или почти адаптировавшимися.

При ответе на вопрос о том, кем должны чувствовать себя их дети: русскими, европейцами, гражданами ЕС, бельгийцами, гражданами Мира, женщины категории «Адванс» как мигрировавшие из России, так и республик СНГ, стран Балтии (не мусульмане) выбирали ответы, которые подразумевают для них близкие понятия – Гражданин Европы, гражданин Мира, Европейского Союза, но при этом, подчеркивали, что дети должны помнить, что в них есть и русские корни.

Именно эта категория женщин также активно перенимает кулинарные традиции новой страны, стиль одежды, деловой стиль, т.к. хочет именно здесь продолжить свою карьеру.

Однако мигранты из бывших союзных республик отвечали на вопрос о русском языке и о русской культуре отрицательно, т.к. у них есть свой язык и своя культура, которую они будут прививать детям. И абсолютно негативными были ответы мусульманской части респондентов (до 90%), подчеркивая, что им это не нужно. И здесь не имеет значения, что этот человек из Алжира, Марокко или Чечни, т.е. из России. Эти результаты необходимо учитывать в интеграционных программах, т.к. русскоговорящую миграцию (не мусульман) и, например, чеченскую миграцию, которая прибывает очень активно в Европу, невозможно оценивать и интегрировать гомогенно. Это две разные группы с абсолютно разными задачами и целями в иммиграции, хотя у них есть одна географическая территория, откуда они прибыли [6].

Таким образом, исследование помогло сделать следующие выводы:

1. Среди российской иммиграции в Европе отмечена высокая гражданская активность и высокая готовность высокообразованных женщин к ведению кросскультурного диалога.

2. Знание иностранных языков и высокий профессиональный статус не являются гарантией успешного устройства на желаемую работу, но помогают в адаптации к новым социо-культурным условиям.

3. Мусульманская миграция из России должна быть причислена к мусульманской миграции в целом, т.к. данному типу миграции свойственно общее отрицательное отношение к новой европейской культуре, не зависимо от страны миграционного исхода, т.е. географической принадлежности.

Исследование, проведенное Г.И. Гаджимурадовой, отчасти объясняет причины негативного отношения мусульманской миграции. С усилением миграционных процессов, особенно из стран Азии и Африки, все большее распространение получает ислам. «Ислам является традиционной религией арабского Востока и поэтому жизнь общества регламентируется здесь, в основном, нормами шариата. Поэтому гендерный аспект в решении социальных и политических проблем имеет ряд особенностей, отличных от Европы» [2, с. 67].

Однако процессы ассимиляции, имеющие место при смене местожительства, часто не отвечают нормам шариата. С одной стороны, мусульманская женщина хочет участвовать в жизни общества, иметь доступ к образованию, избирать и быть избранной, вступать в брак по любви, делать карьеру. Она видит жизнь женщин в Европе, их раскрепощенность, активную жизненную позицию, новую систему ценностей. С другой стороны, она всё ещё зависит от мужа и не должна нарушать законы шариата.

«Но даже находясь в европейской стране, мусульманская община налагает множество запретов: на браки между мусульманкой и немусульманином, посещение развлекательных мероприятий, публичных мест без сопровождения мужчины, выбор профессии, жизнь женщины не выходит за пределы приватной сферы и др.» [2, с. 68].

Следовательно, процесс адаптации является сложным и требует больших усилий от самих женщин, т.к. они боятся осуждения и непонимания со стороны представителей своей диаспоры, особенно ее мужской части, которая придерживается устоявшихся гендерных стереотипов. Нередко мусульманской женщине отказывают в получении работы и сами работодатели.

В свою очередь, «европейские организации по приему и работе с мигрантами прилагают немалые усилия для осуществления интеграционных процессов в иммигрантской среде. Прежде всего, для всех желающих создаются бесплатные курсы по изучению языка принимающей стороны, ее истории, их детям предоставляется возможность обучаться в общеобразователь-

ных школах, ведется обучение определенным профессиям. И, как следствие, образование, целеустремленность, владение несколькими иностранными языками отличает многих молодых мусульманок. Нередко они опережают своих единоверцев-мужчин в процессе интеграции в европейское общество, в иную социо-культурную среду. Процесс интеграции, а вместе с ним и эмансипации ускоряется, когда женщине удастся найти работу и обеспечить себе материальную независимость» [2, с. 71].

В целом, проблема религиозного разнообразия – одна из самых сложных и тонких, часто являющаяся источником непонимания, неприязни и даже вражды. Следовательно, при организации различного рода мероприятий следует знать особенности вероисповедания представителей разных конфессий [3].

Тем не менее, как отмечает Нермин Абадан Унат, «ускоряющаяся миграция в Западную Европу женщин-работниц из развивающихся стран Средиземноморского региона определённо вызвала цепную реакцию; под её воздействие попадают и женщины, работающие за границей, и женщины — занятые и незанятые, — входящие в круг близких родственников мигранток» [13, с. 54].

Исследования особенностей гендерных потоков миграции в России

Индикаторы миграционных и международных связей важны и для России. Вновь прибывающие мигранты часто сохраняют тесные связи со своей родиной, основанные на семейных узах и культурной идентификацией [17].

Россия входит в пул государств с самыми высокими показателями численности находящихся на их территории иностранных граждан. В последние десятилетия международная миграция стала для страны важным фактором политического, экономического и демографического развития [15].

Действительно, по сведениям Федеральной миграционной службы, несмотря на то, что рост миграции в 2013 г. по сравнению с 2012 г. составил 12%, а за последние четыре года в целом – 37%, постоянно в России проживает 800 тысяч иностранцев. Это в 10 раз меньше, чем в Европейском Союзе.

Миграция в Россию весьма специфична по сравнению с миграцией в страны Запада. Культурная дистанция между мигрантами из бывших советских республик и основным населением России гораздо меньше, чем в странах Западной Европы. Единая система образования, существовавшая на территории бывшего СССР на протяжении более чем полувека и охватившая несколько поколений, до сих пор обеспечивает хорошее владение русским языком у старшего поколения.

Кроме того, благодаря высокой мобильности части населения бывших советских республик, сегодняшние мигранты обладают высокой степенью социальной компетенции. Навыки социальной коммуникации, приобретенные этими людьми в советский период (в качестве сезонных рабочих, а также торговцев на рынках в российских городах) позволяют им эффективно функционировать в экономической и коммерческой сфере. Иными словами, их адаптационная способность и, соответственно, способность к интеграции неизмеримо выше, чем способность к интеграции иммигрантов, пытающихся обустроиться в Западной Европе.

Однако это не решает проблем их адаптации к русской культуре. Следует отметить, что большая часть мигрантов происходит из азиатских и кавказских республик, которые также как и в Европе, живут в своих диаспорах и имеют свои интересы. Из безвизового пространства приезжают представители Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Молдовы. Особую категорию на данный момент составляют вынужденные переселенцы из Украины. Среди «визовиков» лидируют Китай, Северная Корея, Вьетнам. Небольшую часть составляют Филиппины, Индонезия, Таиланд.

Причем, мигранты могут делить рабочие места по отраслям. Так, в Свердловской области (большая часть приходится на Екатеринбург) представители Китая заняли торговлю и сельское хозяйство, Корея – строительство, Вьетнам – швейное производство, Филиппины и Таиланд – сферу услуг, массажные салоны, Франция и Италия – сферу питания (повара).

Данная категория мигрантов, в основном, имеет временное пребывание и не планирует остаться в России надолго. Таким образом, речь может идти о маятниковой миграции или как определяют некоторые эксперты о «набеговой экономике».

Цель пребывания примерно одинаковая: более высокая заработная плата, чем в их родной стране. Хотя, в целом, ее уровень не высокий. Из Азии в Россию въезжают, в основном, рабочие низкой и средней квалификации. Основные сферы деятельности – общественный транспорт и такси (водители), строительство, торговля, уборка помещений. В течение года можно наблюдать миграцию по отраслям: зимой мигранты работают в торговых центрах, весной и летом уходят в строительство и сельское хозяйство, осенью – на сбор урожая.

Особую категорию в настоящее время представляет программа по возвращению соотечественников. Следует отметить, что 52% прибывших, например, в Екатеринбург и область (в основном из бывших советских республик) имеют высшее образование. Часто устраиваются на работу самостоятельно, среди них инженеры, преподаватели, врачи, программисты.

Что касается гендерных различий, то рядом авторов (А.Л. Рочева, Е. Назарова, Н.А. Зотова, Е.Б. Бедрина и др.) были проведены опросы женщин-мигрантов из Киргизии, Таджи-

кистана и Узбекистана в крупных российских города: Астрахани, Екатеринбурге, Москве, Самаре.

Следует отметить, что миграция в Россию все в большей степени стала приобретать феминизированный характер. Это может свидетельствовать об изменении социальных установок исходящего общества. «Издавна устоявшееся традиционное гендерное распределение ролей в среднеазиатских семьях (а именно из этого региона ныне прибывает основная часть гастарбайтеров), когда мужчина обеспечивает семью, зарабатывая деньги, а женщина выполняет репродуктивные функции (начиная от рождения и воспитания детей и заканчивая ведением домашнего хозяйства, поддержанием жизнеобеспечения семьи), подверглось серьезной трансформации. Все чаще женщины вынуждены зарабатывать самостоятельно, в силу различных личных и семейных причин, при этом почти каждая из них признается в том, что готова к выезду за пределы своей страны с целью заработка» [8, с. 80-81].

Приемлемость женской миграции в Россию различна. В целом 10 % мужчин и 22 % женщин признают возможной самостоятельную мобильность женщины. Более легитимна в глазах мигрантов поездка в Россию вслед за мужем или другим мужчиной родственником: доля признающих приемлемость такой миграции колеблется в разных этнических группах. Например, в Самаре и Астрахани от 54,8 % (киргизы в Самаре) до 79,3 % (киргизы в Астрахани). Родственник-мужчина признается неким «пунктом социального контроля», однако в этой роли отказывают женщине-родственнице: если миграция вслед за родственником приемлема для женщины в глазах 68 %, то вслед за родственницей – в глазах 13 % респондентов. Причем, длительность пребывания в России, соответственно, длительность знакомства с местным гендерным порядком, влияет на оценку женской миграции: готовность принять самостоятельную мобильность женщин растет по мере проживания в России. Так, среди приехавших в Россию год-два назад недопустимость подчеркивают 20 %, а среди приехавших более 10 лет назад – только 6 % [9].

Хотя выезд женщин на заработки в другую страну непривычен для среднеазиатского общества, в целом, он укладывается в основные закономерности развития миграционных процессов в мире на рубеже XX-XXI веков. Специалисты отмечают, что «феминизация миграционных потоков с 1990-х годов становится характерной чертой новейшего этапа развития международной трудовой миграции» [4].

Меняются и социо-культурные нормы приемлемости миграции и работы для женщин-мигранток из стран Средней Азии. С. Панарин отмечает, что «важнейшими ограничителями миграции следует считать социокультурный, ресурсный и политический. ... Под социокультур-

ным фактором подразумеваются наследуемые по рождению социальные связи и нормативные образцы поведения. В Центральной Азии ими очень сильно определяется возможность вовлечения человека в миграционное движение, само его внутреннее отношение к территориальной мобильности. Ограничительное воздействие этого фактора всего сильнее сказывается в среде традиционно земледельческих народов... Но когда гнёт безработицы и пауперизации становится невыносимым, и одновременно снимаются внутривнутриполитические ограничители выезда, социокультурные барьеры опрокидываются с исключительной легкостью. Более того, связи и нормы, прежде мешавшие миграции, сами становятся одним из факторов бурного разрастания миграционных сетей» [4, с. 85].

В любом случае, определяющим для поездки как для мужчин, так и для женщин, является наличие родственных связей. «Кровно родственные связи являются базовыми для развития коммуникативных практик трудовых мигрантов, принципиальной заинтересованности в их замене на связи с принимающим сообществом фактически не фиксируется» [10, с. 126].

Таким образом, создаются неформальные мигрантские сети. Именно при помощи мигрантских сетей они находят работу и жильё, а в их круг общения в России вовлекается значительное число людей. Причем, вряд ли правильно назвать мигрантские сети безличным образованием. Они строятся по принципу сот, когда один человек имеет свою «соту» – ближний круг знакомых, земляков и родственников, но эта «сота» обязательно соприкасается с несколькими более дальними, а при необходимости опосредованно через них – с ещё большим количеством мигрантских кругов. В целом мигрантские сети, в которых действует настоящая система поддержки мигрантами друг друга, формируются по авлодному принципу [4] (кровнородственной общины, которая обладает всем комплексом систем жизнеобеспечения. – прим. Т.В. Куприной).

Существенным показателем для адаптации является место (город), куда женщины планируют приехать. Более отдаленные города оказываются более выгодными, чем, например, Москва, что объясняется более низкими потребительскими расходами и стоимостью жилья.

По данным исследования Социологического центра РАГС, мотивацией для женщин в меньшей степени, чем для мужчин, являются такие экономические проблемы, как низкие заработки (32,3% против 44,5%) и отсутствие работы (36,5% против 54,3%). Большей степени они считают значимыми такие социальные факторы, как отсутствие перспектив жизни (27,0%), межнациональные конфликты (10,6%), неблагоприятный климат (5,3%), плохая экология (3,7%) [8].

Можно также отметить, что до 50% опрошенных женщин-мигранток, например, в Самаре и Астрахани, рассматривают поездку в Россию как приобретение большей самостоятельности

и независимости. Причем, 94% составляет возрастная категория до 25 лет и 32% – в группе от 40 лет и старше, а у мигрантов с высшим образованием этот показатель достигает 100%. Кроме того, стремление к независимости выше у не состоящих в браке. Реализованность намерений составляет до 96% [9].

Одной из тенденций развития женской миграции является «материнская» миграция, т.к. мигранты пользуются бесплатностью услуг по родовспоможению для всех людей, находящихся на территории РФ.

Опыт работы на родине у всех среднеазиатских женщин разный, некоторые никогда не работали. Сферой профессиональной занятости в России, как правило, является сфера услуг: продавцы, обслуживающий персонал гостиниц, предприятий общественного питания, младший и средний медицинский персонал, что объясняется недостаточной профессиональной подготовкой, часто в сочетании с недостаточным владением русским языком.

Группы женщин-мигранток различаются по ряду характеристик [4]:

1. По сроку пребывания и работы в России.
2. По величине заработка, структуре доходов и расходов, величине накоплений.
3. По степени адаптации в принимающей стране и участия в самоорганизующихся миграционных сетях (широтой круга земляков и знакомых в городе проживания).
4. По оценкам собственного опыта работы в России и по связанными с этими оценками дальнейшими жизненными стратегиями, которые, в свою очередь, зависят от первых двух характеристик.

Женщины, успешно прошедшие адаптацию, могут в свою очередь, давать советы, помогать и вовлекать в трудовую деятельность за рубежом других родственников и друзей.

Трудовая иерархия выстраивается следующим образом. Мужчины могут начинать с подсобных рабочих, грузчиков и других тяжелых работ. На второй ступени – дворники, работники предприятий общественного питания и торговли. На третьей ступени – мигранты, нашедшие место в бизнесе.

Те же три ступени существуют и для женщин. «Нижнюю занимают «новобранцы» – мигрантки, торгующие продуктами питания и горячими напитками вразнос на рынках, продающие и/или выпекающие лепешки и самсу на тех же рынках. Вторую ступень занимают мигрантки с длительным стажем пребывания в России, которые арендуют мелкие торговые точки по продаже сухофруктов. И на верхней ступени стоят женщины мигранты, сумевшие устроиться в бизнес-структуры или негосударственные организации. ... Однако в иерархии занятости на рынках действующим самостоятельно женщинам, не членам семей вписанных в структуру

рынков мужчин, путь наверх закрыт: они не могут подняться выше положения продавщицы, скажем, стать владелицами нескольких торговых точек или снабженцами, которые закупают на оптовых базах фрукты и овощи для розничной реализации их на торговых точках» [4, с. 84].

Отдельную категорию мигрантов представляют девушки и молодые женщины из обеспеченных семей, имеющие высшее образование или обучающиеся в России. Они также как женщины-мигранты в Европе занимают активную жизненную позицию, имеют возможность для профессиональной и личностной реализации.

Что касается общения мигрантов в России, то при исследовании среди представителей ряда диаспор: армян, киргизов, таджиков, узбеков, украинцев Институтом экономики УрО РАН (Екатеринбург) были выделены следующие категории [10]:

1. Ближний круг, в который входят близкие родственники и члены семей, характерен для женщин, приехавших с мужьями, воспитывающих детей, не работающих и плохо владеющих (или не владеющих вообще) русским языком. Круг общения замыкается своей семьей, за пределы которой нет необходимости выходить. Соответственно, потребности в освоении местных правил, использовании местной инфраструктуры практически полностью отсутствуют.

2. Общение с представителями диаспоры, совместные праздники, походы в досуговые учреждения характерны для молодых мужчин – выходцев из Средней Азии.

3. Общение с сотрудниками организаций, в которых работают мигранты. Это могут быть как организации с доминирующим местным персоналом, так и состоящие из выходцев из других стран.

4. Общение совпадает с пространством города (принимающего сообщества), доступное для относительно небольшого числа мигрантов.

Это, как правило, люди среднего возраста, обладающие высоким образовательным статусом, неплохо владеющие русским языком и работающие по специальности (например, врачи) или занимающиеся предпринимательской деятельностью.

Причем, знание русского языка является очень важным для успешной социализации в принимающем обществе. Даже имея основные знания, мигранты быстро осваивают язык в процессе постоянных контактов с местным населением на работе или учебе.

Таким образом, в семьях мигрантов распространено двуязычие или билингвизм. В ряде случаев двуязычие постепенно сменяется говорением на русском языке, особенно у детей интенсивно осваивающих русский язык в школе. Это вызывает беспокойство у родителей, которые стараются поддерживать свой национальный язык и свои традиции.

Что касается отношения принимающего общества к мигрантам, то оно может варьироваться. Негативные оценки более распространены среди молодых людей с низким уровнем образования, мигрировавших из Средней Азии. Мигранты, как из Средней Азии, так и с Кавказа, с высоким уровнем образования, постоянно взаимодействующие с принимающим обществом, оценивают отношение принимающего общества как нейтральное [10].

Таким образом, данные российских исследований подтверждают и выводы европейских экспертов о том, что мигранты, прибывающие в Россию не должны восприниматься как однородная масса. Более успешная адаптация в принимающем обществе наблюдается у тех, кто приехал из городов, владеет русским языком, имеет профессиональный опыт, образование или стремится его получить. И наоборот, мигранты (и женщины, и мужчины), которые до этого не выезжали из сельской местности у себя на родине, не знающие языка и особенностей жизни в России, не имеющие родственной поддержки, адаптируются тяжело, часто становятся жертвами различных посредников.

Выводы и рекомендации

Рассмотрев основные направления исследований, касающиеся миграционных процессов в целом и женской миграции в частности, можно сделать следующие выводы:

1. Современные миграционные процессы представляют собой сложное, многоаспектное и многомерное явление. Особенностью миграции во всем мире является увеличение женской доли в миграционных потоках, что подтверждается как зарубежными, так и российскими исследованиями.

2. По своему составу миграционные потоки неоднородны. С одной стороны, группа (выходцы из городов), имеющая высшее образование, обладающая социальной активностью, стремящаяся к адаптации, изучающая язык принимающего общества. С другой стороны, группа (часто выходцы, из сельской местности), имеющая низкий социальный статус, со средним или низким уровнем образования, плохо адаптирующаяся, плохо владеющая языком принимающего общества.

3. Отдельную специфическую группу представляют мигранты-мусульмане из стран Азии и Африки, особенности традиций которых накладывают серьезные ограничения на социальную и личностную реализацию женщин-мигранток. Причем, это относится ко всей категории мигрантов без исключения, не зависимо от страны выезда. Таким образом, в данном случае важны не географические границы, а конфессиональные особенности и национальные традиции.

4. Мотивация для принятия решения о миграции может быть различной. В Европе для женской русскоговорящей миграции основной причиной является заключение брака с иностранцем или обучение и последующий брак с иностранцем. Для российской миграции из стран Средней Азии и Кавказа на первом месте мотивы экономического характера, желание заработать и помочь семье, оставшейся на родине.

5. В связи с увеличением женской миграции из стран Азии и Кавказа меняются и социальные нормы ее приемлемости. Выезд женщин возможен, но при поддержке, в большинстве случаев, родственников мужчин, которые могут обеспечить им поддержку при устройстве на работу, аренде жилья. В противном случае женщине-мигрантке очень сложно устроится на новом месте жительства.

6. Для поддержки соотечественников создаются мигрантские сети по авлодному (кровно-родственному) типу.

7. Среди работающих мигрантов существует своеобразная профессиональная иерархия, состоящая из трех ступеней: 1. Тяжелый физический труд для мужчин и торговля вразнос для женщин, клининговые услуги; 2. Работники стационарных торговых точек и предприятий общественного питания; 3. Мигранты, сумевшие устроиться в бизнес-структуры или негосударственные предприятия.

8. Отдельную категорию российской миграции представляют женщины из обеспеченных семей, имеющие высшее образование или обучающиеся в России. Они также как и женщины-мигранты Европы занимают активную жизненную позицию. Однако, как они сами отмечают, знание языка принимающей страны не является гарантией получения высокой профессиональной должности, хотя может помочь при адаптации к жизни в условиях новой культуры.

9. Круг общения также имеет определенную иерархию: 1. Общение только с близкими родственниками характерно для не работающих женщин из стран Азии; 2. Общение с членами диаспоры, например, на традиционных праздниках. 3. Общение с сотрудниками организаций, где работают мигранты; 4. Общение совпадающие с пространством города, характерное для людей высокого профессионального статуса.

10. Отношение к мигрантам и их отношение к принимающему обществу также варьируется, от нейтрального до крайнего неприятия в зависимости от статуса самих мигрантов, их желания принять новую культуру и адаптироваться к новым условиям.

Таким образом, можно сказать, что независимо от статуса и уровня образования перемещение в другую страну связано с рядом проблем, которые могут быть разного характера и слож-

ности. Наибольшую сложность испытывают мигранты из стран Азии и Африки, имеющие совершенно иные ценности в силу особенностей национальных культур.

В связи с тем, что глобализация и интеграция различных сообществ постоянно усиливаются, процессы миграции населения будут носить постоянный характер. Следовательно, необходимы специальные меры по организации не только рабочих мест, предоставлению жилья, обустройству на новом месте жительства, но и социально-психологической и социо-культурной адаптации. А.Н. Барковский [1], например, предлагает вид этнокультурного планирования, которое бы учитывало различные социо-культурные типы мигрантов, особенности их конфессий, возможность их адаптации и освоения русского языка (или языка принимающей страны – прим. Т.В. Куприной), способность к обучению и профессиональной переподготовке.

Для сферы бизнеса представляется важным учет национальных особенностей при организации профессиональной деятельности, что сказывается на качестве выполнения производственных задач.

Особо следует отметить разработку программ поликультурного образования для различных учебных заведений и адаптационных курсов, способствующих формированию толерантности к иным культурам и тем, кто на нас не похож.

Список литературы

1. Барковский А.Н. Опыт регулирования международной миграции за рубежом и в России. URL: <http://elibrary.ru/download/72147958.pdf> (дата обращения: 31.10.2014).
2. Гаджимурадова Г.И. Ислам и интеграция женщины-мусульманки в европейское общество // Сборник конференций НИЦ Социосфера. 2014. №32. С. 67-71. URL: <http://elibrary.ru/download/22172524.pdf> (дата обращения: 31.10.2014).
3. Дюжакова М.В. Миграция населения как источник проблем образовательной политики // Вестник ТГУ, 2008, вып. 6 (62). С. 265-270. URL: <http://elibrary.ru/download/89208352.pdf> (дата обращения: 1.11.2014).
4. Зотова Н.А. Женщины — трудовые мигранты из Таджикистана (старшая возрастная группа) // Вестник Евразии, 2007, №2. С. 72-87. URL: <http://elibrary.ru/download/78491189.pdf> (дата обращения: 1.11.2014).
5. Капица С.П. Парадоксы роста: Законы глобального развития человечества. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 204 с.
6. Куприна Т.В., Сандлер М. Национальные особенности миграционных потоков в России и Европе // Институты развития демографической системы общества: сборник материалов

- V Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. С. 89-94.
7. Мищук С.Н. Особенности международной трудовой миграции из Китая в Россию (на примере Дальневосточного федерального округа) // Экономика региона. Научный информационно-аналитический экономический журнал, 2014, №2 (38). С. 194-202 (SCOPUS).
 8. Назарова Е. Гендерные аспекты иммиграции в Российскую Федерацию: проблемы и перспективы изучения // Управление мегаполисом, 2010, №4. С. 80-85. URL: <http://elibrary.ru/download/44275643.pdf> (дата обращения: 2.11.2014).
 9. Рочева А.Л. Миграция как эмансипация? Гендерное измерение миграции в Россию // Теория и практика общественного развития, 2012, №8. С. 105-107. URL: <http://elibrary.ru/download/30783059.pdf> (дата обращения: 31.10.2014).
 10. Современные подходы к оценке влияния потоков трудовых миграций на социально-экономическое благополучие принимающей территории: кол.моногр. / Бедрина Е.Б., Вандышев М.Н., Струин Н.Л., Неклюдова Н.П., Мельникова А.С., Илинбаева Е.А., Тухтарова Е.Х. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. 153 с.
 11. Чужой и культурная безопасность / А.П. Романова, Е.В. Хлыщева, С.Н. Якушенко, М.С. Топчиев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 215 с.
 12. Якимова О.А. Медиадискурс миграционного процесса в контексте взаимодействия принимающего и иммигрантского сообществ // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал, 2013, №11(31). URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/1120131/pdf_448 (дата обращения: 2.10.2014).
 13. Abadann-Unat N. Implications of migration on emancipation and pseudoemancipation of Turkish women. *International Migration Review*, 1977, Vol.XI.No1.P.54.URL:<http://www.aku.edu.tr/aku/dosyayonetimi/sosyalbilens/dergi/V2/gulendam.pdf>(дата обращения: 2.10.2014).
 14. Berry J.W. A Psychology of Immigration. *Journal of Social Issues*, vol.57, No.3 (2001): 615-631.
 15. Exploration and Cartography of Diasporas on Digital Networks. Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 2012. URL: digitalicons.org/issue09/files/2013/06/DI_9_3_Morgunova.pdf (дата обращения: 2.06.2014).
 16. Kapur J.C. *Our Future. Consumerism or Humanism*. New Delhi: Kapur Surya Foundation, 2005. 298 p.
 17. Kuprina T., Minasyan S. Geouristics as New Branch of Geocultural Space. *XLinguae European Scientific Language Journal*. Vol. 7. No 4 (October 2014): 2-20 (SCOPUS).

References

1. Abadann-Unat N. Implications of Migration on Emancipation and Pseudoemancipation of Turkish Women. *International Migration Review*, 1977. Vol. XI. No. 1. P. 54. <http://www.aku.edu.tr/aku/dosyayonetimi/sosyalbilens/dergi/V2/gulendam.pdf> (accessed November 2, 2014).
2. Barkovsky A.N. Opit regulirovaniya mezhdunarodnoy migratsii za rubezhom I v Rossii [Experience in Regulating International Migration abroad and in Russia]. <http://elibrary.ru/download/72147958.pdf> (accessed October 31, 2014).
3. Berry J.W. A Psychology of Immigration. *Journal of Social Issues*. Vol. 57. No. 3 (2001): 615-631.
4. *Chuzhoy i kulturnaya bezopasnost* [Alien and cultural security]. Romanova A.P., Khlyshchova E.V., Yakushenko S.N., Topchiev M.S. – M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2103. 215 p.
5. Dyuzhakova M.V. *Vestnik TGU* [Proceedings TGU], no. 6 (62) (2008): 265-270. <http://elibrary.ru/download/89208352.pdf> (accessed November 1, 2014).
6. Exploration and Cartography of Diasporas on Digital Networks. Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 2012. digitalicons.org/issue09/files/2013/06/DI_9_3_Morgunova.pdf (accessed June 2, 2014).
7. Gadzhimuradova G.I. *Sboenik konferentsiy NITS Sotaiosfera* [Proceedings of the Conferences of SIC Sociosphere], no. 32 (2104): 67-71. <http://elibrary.ru/download/22172524.pdf> (accessed October 31, 2014).
8. Kapitsa S.P. *Paradoksi rosta: Zakoni globalnogo razvitiya chelovechestva* [Paradoxes of Growth: Laws of Global Human Development]. – M.: Alpina non-fiction, 2103. 204 p.
9. Kapur J.C. *Our Future. Consumerism or Humanism*. – New Delhi: Kapur Surya Foundation, 2005. 298 p.
10. Kuprina T., Minasyan S. Geouristics as New Branch of Geocultural Space. *XLinguae European Scientific Language Journal*. Vol. 7. No 4 (October 2014): 2-20 (SCOPUS).
11. Kuprina T.V., Sandler M. *Institut razvitiya demograficheskoy sistemi obshchestva: sbornik materialov V Uralskogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnim uchastiem* [Institutes of the Development of the Demographic System of Society: Proceedings of the V Ural Demographic Forum with International Participation]. Yekaterinburg: Institute of Economics of Ural Branch of RAS, 2014. Pp. 89-94.
12. Mishchuk S.N. *Ekonomika regiona. Nauchniy informatsionno-analiticheskiy ekonomicheskiy zhurnal* [Economy of Region. Scientific Information and Analytical Economic Journal], no. 2(38) (2008): 194-202 (SCOPUS).

13. Nazarova E. *Upravlenie megapolisom* [Managing Metropolis], no.4 (2010): pp. 80-85. <http://elibrary.ru/download/44275643.pdf> (accessed November 2, 2014).
14. Rocheva A.L. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], no. 8 (2012): 105-107. <http://elibrary.ru/download/30783059.pdf> (accessed October 31, 2014).
15. *Sovremennye podhodi k otsenke vliyaniya potokov trudovih migratsiy na sotsialno-ekonomicheskoe blagopoluchie prinimaushchey territorii* [Modern Approaches to Assessing the Impact of Labor Migration Flows on the Social and Economic Welfare of the Host Territory] Bedrina E.B., Vandishev M.N., Struin N.L., nekludova N.P., Melnikova A.S., Ilinbaeva E.A., Tukhtarov E.Kh. Yekaterinburg: Institute of Economics of Ural Branch of RAS, 2014. 153 p.
16. Yakimova O.A. *Sovremennye issledovaniya sotsialnikh problem: elektronnyy zhurnal* [Modern Research of Social Problems: Electronic Scientific Journal], no 11 (31) (2103). doi: 10.12731/2218-7405-2013-11-1 (accessed November 2, 2014).
17. Zotova N.A. *Vestnik Evrazii* [Proceedings of Euroasia], No2 (2007): p. 72-87. <http://elibrary.ru/download/78491189.pdf> (accessed November 1, 2014)

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Куприна Тамара Владимировна, доцент кафедры «Международная экономика» Высшей школы экономики и менеджмента, кандидат педагогических наук

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620062, Россия
e-mail: tvkuprina@mail.ru*

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 8892-1348

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kuprina Tamara Vladimirovna, associate professor of International Economy Department, Graduate School of Economics and Management, Ph.D. in Pedagogical Science

*Ural Federal University after First President of Russia B.N. Yeltsin
19, Mira Street, Yekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620062, Russia
e-mail: tvkuprina@mail.ru*

Рецензент:

Козлова Ольга Анатольевна, руководитель Центра исследований социоэкономической динамики, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики УрО РАН